

Живу в глуши, от шума далеко,
Пишу стихи да печь топлю на благо.
Есть тишь и свет, есть мед и молоко,
И два пути — до неба и продмага.
Пусть порой темно в краю раки,т
В пустом доме одна не заскучаю:
Под вечер Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Зачем грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь,
А дальше бездны некуда и падать.
Мне б только жить без злости и обид,
Любить людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

Сквозила просинь между веток в ажурной сети паутин,
И в погреба ссыпалось лето до самых инистых седин.
И стрекоза в душе беспечно все дни летала без забот,
И свет, казалось, будет вечным, как будто снег не упадет.
А ныне стынет день за дверью, весь мир под мороком пурги,
И в этом зимнем снегоперье не видно пешему ни зги.
В снегу и времени увязли дороги, небо и река,
И только вязы долговязы стоят и держат высь в руках.
В чешуйках снега невесомо, качая ставни-плавники,
Уткнувшись в водоросли сновья, спит дом, как сом, среди раки,т.

И ты уйдешь к теплу поближе, в домашний безмятежный сон,
В предновогоднее затишье лепить стихи из снежных слов.
Отраднa печки теплой нега, но все ж на радость не скудей,
Свеченье сливочного снега сбивай до масла майских дней.

Вот и настало небес полноводие,
Скрипом уключин наполнилась ночь.
Бряцает ветер пустыми поводьями.
К зорьке ускачет куда-нибудь прочь.
Время сменяет дожди на метелицу,
Вот и побелен годами висок.
И не заметишь, как жизнь переменится
С моря — на речку, а речка — в песок.
Домик закрою, пойду за околицу,
Далее, далее — ветер, встречай!
Все, что ненужное, может, отколется,
И перемелются боль и печаль.
Душу остудит дорога звенящая,
Выйду на новый небесный виток:
Крылья расправлю и стану летящею,
Как под подошвой у Бога листок.

Отбелеет по зиме, что болело в осень,
На холодной колее околет дождь.
Между стекол в щелях рам захолонут осы,
И осина в синей мгле обратится в дрожь.
Цепенеющая степь льдом покроеет доли.
Зацепляется трава в поле, словно бес.
Как гербарий меж страниц, стихну в сиром доме,
Пусть срастается тоска плитами небес.
А в бураны ветка в жизнь — зимняя дорога,
Да за стенкою сверчок — музыкой в ночи.
Отомрет былинкой боль, ну и, слава Богу!
Можно дальше кости греть, сидя на печи.
А зимою свет в окне — белая страница,
Знай, пиши себе стихи, сидя в курмыше,
Если есть в запасе хлеб, в заоконье птица,
Можно жить без всяких благ с Богом на душе.

В печке морозные плачут поленья,
Ходики в доме идут не спеша.

Смотрит со стенки недремлющий Ленин,
Тихо ступает по дому Душа.
Вымоет пол, приберется в светелке,
Стихнет у круга немого стола...
Передовую считалась в поселке,
Нет, не везучей — везущей была.
Ветер за окнами клонит березу,
Звякнет щеколда — не детки ли в дом?..
Надо бы розы накрыть от морозов,
Детки приедут, накроем потом.
Кошка сыта, и цветочки политы,
А на столе стынет чай и пирог.
Двери Души для прохожих открыты,
Вот и Она поднялась на порог.

.....
Дети приехали, печь разобрали,
Душу снесли на погост за село.
Кошка ушла, и цветочки пропали,
Ленин остался, ему повезло.

Играй, гармонь, играй, моя домбра! и пусть в душе гармония случится.
Поеду в город от глуши лечиться, покрылась мхом душевная кора.
Махну, не глядя, летом в день любой, меня давно стихи куда-то манят.
Купируют купюры брешь в кармане, но душу лечит радость и любовь.
Уехать в Мекку, вытечь в Ватикан давно мечтала. Я же — плод планеты.
Могу лудить, лепить, летать по небу, и до луны построить вертикаль.
В окне июнь, и я схожу с ума, как поезд с рельсов, дерзко и внезапно.
Я не могу бесшумно, поэтапно сойти, как снег, на станции зима;
Покинув сирый, рваный свой мирок, уйти в нирвану, в закоулки неба
От суеты, от прозы и от хлеба, хлебнув до дзена Хлебниковских строк...
И не вернуться. Там же — свет алей, растут лианы, и в аллеях розы.
А мне милей ромашки и березы и тихий свет Есенинских полей.
Да, я земна, как птица из гнезда, горизонталь мне ближе вертикали.
Все реки неба в землю утекали, и возвращались к дому поезда.
...Фонит в башке от фар и фонарей, сейсмоопасен для меня сей город,
Где божий воздух шумом беса вспорот. Вернусь домой и стихну во дворе...
Все птицы мира рвутся в небеса, но дом всегда роднее всех величий.
А я живу давно в природе птичьей, и мне роднее степи и леса.

Седое небо подперев плечом,
Застыл ноябрь хмурый у воротца.
Заиндевелый стог стоит свечой,
Проталины приталены морозцем.
Кружится робко первозданный снег,
В оконце темном светятся рябины...

Приходит в память детство, как во сне,
Где снег и счастье пахнет мандарином.
И враз теплеет в божеской руке,
И тяжесть жизни будто невесома...
Светлеют окна, как вода в реке,
И протекает время мимо дома.

Похолодало, пути развезло,
В жизни без мамы мне страшно и слепо.
Надо держаться всем бедам назло,
Надо и все тут, как бездна — за небо.
Снова стою на ладони земли,
Словно часы на столе без завода.
Эх, разлететься б мне пеплом золы!
Бросив долги и мирские заботы.
Или с мосластого выпасть моста...
Нет, если падать, чтоб только отжаться!
И навсегда, как за ствол береста,
Надо держаться за слово — держаться.

Осы на досках, как оспы.
Небо баюкает лес.
Зреет до времени осень
В коконе синих небес.
Птица за окнами кружит,
Громко гремит городьба.
От паутин равнодушья
Стала седою судьба.
Ветер ли лязгает цепью,
Будни готова из мук.
Как ни старайся быть цепкой,
Не замыкается круг...
Лампочка меркнет, свеча ли?..
Не освещается высь.
Черные ветки печали
Туго на сердце сплелись.

Остановите небо в точке осень,
Хочу стоять, как дерево в бору,
Раскинув руки и отбросив посох,
Не ощущая тело и кору...
Застрав душой и кроной в бабьем лете,
Оставив мысли в жизни суеты,

Лишь ощущая запах разноцветья,
И слыша речь божественной воды.
Пусть без меня в округе станет глухо,
Завязнет время лодкой на мели.
И в янтаре небес застынет муха,
И ливни смоют цвет с лица земли.
В злом ноябре крыла пернатых листьев
Обломит ветер, в пепел разотрет,
И в черный час безжалостен, неистов
Мою листву надежды оборвет.
Перед зимой тоска накроет немо
Оттенком серым краски желтизны.
Уйдет, курлыча, птичий табор в небо,
Оставив в гнездах перья тишины.
Пусть без меня мои стихи вдогонку
Летят за летом, ускоряя лет.
И лишь зима меня ударом гонга
Разбудит утром и оденет в лед.

А ты не плачь, пусть дни твои лихи,
Под гору время катится монетой.
Переиначь все страхи на стихи,
Петлю и пули на пилюли света.
Неси свой крест, храни любовь и дом,
Когда-нибудь ты станешь в ряд прощенных.
И в час беды не говори о том,
Что крест — не плюс, два минуса скрещенных.
Пуускай тебя сжигает мир дотла,
И разрывает стих на звук и голос,
Ты не сходи с небесного седла,
В пургу лишь крепни, словно волчий волос.
Найди от зим судьбы лишь свой рецепт,
Дари любовь, твори, живи не постно.
Ведь из пустых нулей куется цепь
Глухой тропы. Очнешься — будет поздно.
А там — весна! в душе растает лед,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер рекам вскроет вены
И к водопою ивы поведет.

Божий свет над деревней потух,
Скот не кормлен, и нивы не сжаты.
И от голода даже петух
Не поет, а ругается матом.

Перечеркнуты окна в домах,
В небеса перекошены двери.
Пустотою полны закрома,
А сердца беспросветным безверьем.

Лед не тает, летает снежок.
Но запахло весною погожей.
Надо б только от края шажок,
Дальше — легче. Дай силы нам, Боже!..

Степь, как тоска, бесконечна,
Полнится даль синевой.
Мне бы уйти в эту вечность,
Стать неприметной травой.
Небо седое гранитно,
Стало холодным, как сталь.
Впору б собакой завывать мне,
Так вдруг настигнет печаль...
Как за окном завечерит,
Вдаль убегу, за дворы.
Светлым мелком снег очертит
Контур моей конуры.

За треснутою чашей — пустота.
За пустотой — стихи на дне, а дальше
Не устают мне врать его уста...
А небо шепчет: досчитай до ста
И выходи на пятой ноте фальши.
Сошла на лед, а под ногами рать
Кровавых листьев, дней — война ненастья.
Кончается, качаясь время... Встать!
В подернутую инеем тетрадь
Записывать — ноябрь, небо... счастье?

Предзимье. Время эвтаназии для мокрых, выцветших цветов.
В ознобе день, дожди в экстазе, и в желчи листьев гладь прудов.
Как перед бурей большою, свинцом налито небо всклень.
И все вокруг, кому не лень, линяют шкурой и душою.
В глубоком трансе дремлет лес, и с невесомости небесной...
Летит и падает отвесно незыблемого снега взвесь.

Вослед слепому снегопаду придут дожди, размажут тушь
По грязным лицам пьяных луж и будут плакать до упаду...
И этот ливень октября сведет на нет ожоги снега.
Но эта битва будет зря — зимы хитрее нет стратега.
...Взять паузу и затянуть до декабря, а там негрустно
Скользить по льду гипотенуз, а в мае — вновь перезагрузка.
Пробьет висок весенний ток, желток на небе будет всмятку.
И вновь взойдет в полях тетрадки стихотворения росток.

В соломе света день сияет ныне,
Теплее молока вода в реке.
Пастух, хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.
Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зев печи, закат огнем пылает.
Несут коровы небо на рогах.

Московское время проточно проходит, минуя врата
Деревни, где темные ночи, но светлая в окнах вода.
Где скромно живет и обычно, не рушась на этих и тех,
Народец простой, горемычный, открытый душой к доброте.
Пусть бедно, зато неопасно — посеял, а завтра нашел.
Вот так и становится ясно, кому на Руси хорошо.
И так хорошо, что аж плохо без тьмы самогонного дна,
А там за шкварчащей картохой совсем мужику не до сна.
А в целом тут мало соблазнов — живут в основном старики.
Жила здесь бабенка отвязно, и та подалась от реки.
И нет здесь угрозы пернатым, и, может, еще посему,
Раскинувши руки крылато, летает дурак по селу...

Жить, поглубже спрятав крылья и мечту замазав глиной.
Для любимых стряпать кнели и вареники с малиной.
Не за пазухой у Бога, пусть убого, но не шатко,
Где луна щербатым рогом чешет круп степной лошадке.
За окном — дома вразвалку, распоясались заборы.
С мелкотой в руках с рыбалки ребяшня бежит задорно...
За водой соседка Клава семенит — трезва, любезна,
А обратно — шумно, браво! Без воды идет, но с песней.
Клавин друг — поклонник Аббы, Веньямин, по кличке Веник, —
После так гоняет бабу... что не лезет в рот вареник.

...Вот и стынь, завяли окна, и принес унынье ветер,
За стеной соседи смолкли — за водою ходит Веня.
На потухшем злате иней серебром, снежок на ветках.
Пара звезд на стоге свили до утра гнездовье света.

Сирых дней серый лед
И дорога без права на выбор.
Это время пройдет,
Не спеши из реальности выбыть.
На небесном ноже
Звездный свет — срезал месяц надежду.
Не печалься, в душе
Будет тихо и сухо, как прежде.
Будет в звонкую трель
Свет черемух дробиться по стеклам.
И светлыню апрель
Озарит замутненные окна.
К небесам дерева
И печали причалят среди ночи.
Не споткнутся слова,
Здесь не точка в конце — многоточье...

Я родинка на Родине скуластой,
Смородинка во рту шальных небес.
Порой себя я чувствую балластом
В слепой стране, в которой правит лес.

Меня распилит век на половины,
Когда уйду: Россия — Казахстан,
И выбросит, как веточку, в лавину,
Забыв мой азиатский лик и стан.

Забудут все мою степную поступь,
Но знаю я, придет еще пора
Моим стихам, написанным так поздно,
Неопалимым кончиком пера!

